

Однако Ван Дачжуан не рассердился, а, напротив, обрадовался, получив точный ответ.

— Я так и знал! Сяньцзюнь, что бы ты ни делал, ты всегда лучший! С тобой рядом у меня точно не уйдут на это годы!

Юй Чанцин: «...»

Этот дурак...

Под его тяжёлым взглядом возбуждённый Ван Дачжуан постепенно замолчал и с недоумением спросил:

— Что такое, Сяньцзюнь? Ты недоволен?

Юй Чанцин пристально посмотрел на него своими чёрными, как обсидиан, глазами и тихо произнёс:

— Нет, я очень рад.

Да, он был рад. Он не знал, почему чувствовал эту радость, и не понимал, почему его сердце было переполнено. Он знал только одно: ни за что нельзя позволить этому человеку, который вызывал в нём такие чувства, уйти от него даже на шаг!

Ван Дачжуан, конечно, не догадывался о мыслях, крутившихся в голове Юй Чанцина. Он внимательно всматривался в его лицо, но так и не смог разглядеть признаков радости. Не выдержав, он пробормотал:

— Если ты рад, почему не улыбаешься? Видно ты в душе считаешь меня глупым, но вслух не говоришь...

Сяньцзюнь, когда улыбается, выглядит так прекрасно! Вот только он такой жадина, почти никогда не улыбается...

— ...Я не считаю тебя глупым.

Глаза Ван Дачжуана широко распахнулись. Он же произнёс эти слова почти шёпотом, едва слышно, а Сяньцзюнь всё равно их услышал?!

Юй Чанцин, словно боясь, что Ван Дачжуан усомнится в его искренности, немного неуклюже изобразил улыбку и сказал:

— Продолжай.

Ван Дачжуан не знал, смеяться ему или плакать. Не думая, он поднял руку и прикрыл лицо Юй Чанцина, сказав:

— Я же не заставляю тебя улыбаться...

Он пару раз провёл рукой по лицу Сяньцзюня, прежде чем до него дошло, кого он только что потрогал! Ван Дачжуан поспешно убрал руку, опасаясь, что вспыльчивый Сяньцзюнь разозлится. Однако Юй Чанцин не разозлился, а его выражение лица даже можно было назвать мягким. Ван Дачжуан снова улыбнулся. Ах, такой «мягкий» Сяньцзюнь был редкостью, и с ним было так приятно находиться рядом!

Ммм, лицо Сяньцзюня такое гладкое! Как будто только что очищенное варёное яйцо! Только не тёплое, а прохладное, больше похожее на нефрит.

Прячущиеся за длинными волосами уши Юй Чанцина слегка порозовели, но его лицо осталось бесстрастным. Он лишь взял Ван Дачжуана за руку и снова усадил его в позу для медитации, сказав:

— Сосредоточься.

Ван Дачжуан поспешно собрался, постарался отогнать все ненужные мысли и начал применять метод, которому его обучал Юй Чанцин, чтобы почувствовать потоки энергии неба и земли.

Но у него снова ничего не вышло. Ему не удавалось сосредоточиться — ведь Сяньцзюнь сидел рядом, а его прохладный аромат постоянно витал вокруг, заполняя все его чувства.

Через какое-то время он услышал голос Юй Чанцина:

— Твой разум не спокоен.

Ван Дачжуан с досадой хотел открыть глаза, но в этот момент прохладная ладонь накрыла его веки. Голос Юй Чанцина, казавшийся из-за близости немного низким, зазвучал у самого уха:

— Успокой разум, не думай о постороннем.

Ван Дачжуан хотел сказать, что с ним рядом невозможно не думать о постороннем, но боялся, что если скажет это, Сяньцзюнь действительно уйдёт. А с ним рядом было... очень хорошо.

Ладонь, прикрывавшая его глаза, так и не убралась. Прохладное прикосновение оставалось, дыхание Юй Чанцина слегка касалось его уха. Всё это должно было заставить Ван Дачжуана ещё больше отвлекаться, но, как ни странно, он постепенно успокоился. Он перестал чувствовать прохладу на глазах и дыхание рядом, и всё его существо погрузилось в странное состояние, как будто он засыпал, постепенно погружаясь в сон. Его тело оставалось здесь, но сознание будто переместилось в другое пространство.

Он не мог точно сказать, что увидел и что почувствовал — будто коснулся границы таинств мироздания, смутно ощутив законы небес и земли, или, возможно, был песчинкой, упавшей в бескрайний океан. А может, ничего этого и не было, просто он сидел слишком долго и заснул, а мысли его блуждали.

Это странное, неуловимое чувство длилось, казалось, бесконечно, но в то же время всего лишь мгновение. Когда его разум наконец вернулся, он отчётливо ощутил, как внутри его тела движется тонкий поток энергии, следуя особому ритму и траектории.

Стоило ему сосредоточиться на этом потоке, как течение сразу же стало беспорядочным. В этот момент он снова услышал голос Сяньцзюня:

— Успокой сердце.

Затем в точке между бровей он почувствовал прохладу — это был палец Юй Чанцина. Ледяная духовная сила потекла через этот палец в его тело, мягко направляя внутренний поток энергии по тому самому пути, которым он тёк ранее. Поток замкнулся в круг, затем повторился снова и снова. Ледяная духовная сила постепенно исчезла, оставив только его собственный поток, который продолжал циркулировать, постепенно усиливаясь.

Юй Чанцин убрал руку, увидев, что Ван Дачжуан погрузился в состояние полного отрешения. Он снова принял прежнюю позу, молча стоя рядом и охраняя его.

Вся вершина пика Цинъюй была окутана защитной формацией, а у входа в пещеру были наложены ещё и защитный барьер и заглушающая завеса. Кроме того, сам он находился рядом, чтобы лично следить за процессом. С такими мерами защиты ничто и никто не мог помешать Ван Дачжуану в его медитации.

Юй Чанцин стоял неподвижно, словно древняя статуя, существовавшая здесь с незапамятных времён. Его взгляд был слегка опущен, а вся духовная сила сосредоточена на Ван Дачжуане, непрерывно следя за его состоянием.

С самого начала до конца Ван Дачжуан не проявил ни малейшего сопротивления его энергии и присутствию, полностью открываясь ему. Именно благодаря такому доверию, лишённому малейшего сомнения, он мог беспрепятственно войти в медитативное состояние даже под воздействием посторонней ауры. Эта естественная, безоговорочная вера наполнила Юй Чанцина приятным ощущением, а его внутреннее состояние стало ясным и светлым.

Ван Дачжуан, погружённый в состояние полного отрешения, не чувствовал течения времени. Когда он снова пришёл в себя, его взгляд первым делом натолкнулся на стоящего перед ним Сяньцзюня. Тот смотрел на него своими глубокими, тёмными глазами. Увидев, что он очнулся, Юй Чанцин спокойно спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Ван Дачжуан по привычке улыбнулся Сяньцзюню, а затем внимательно прислушался к своему состоянию. Он чувствовал, что стал другим: разум был яснее, чем когда-либо, а тело — лёгким, как перо. Он поднял голову и недоумённо спросил:

— Сяньцзюнь, что со мной?

— Поздравляю, ты успешно ввёл ци в тело, — ответил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан растерянно поднял руку:

— Значит... это и есть введение ци в тело?

Юй Чанцин кивнул, его взгляд был мягким.

— С этого момента ты тоже являешься культиватором. Тебе следует усердно практиковаться, чтобы избежать страданий смертных — рождений, старости, болезней и смерти, и обрести вечную жизнь и блаженство.

Ван Дачжуан вдруг вздохнул и тихо произнёс:

— Избавившись от рождения, старения, болезней и смерти, обретя вечную жизнь, действительно ли можно достичь «блаженства»?

Юй Чанцин спокойно произнёс:

— У людей есть семь эмоций: радость, гнев, печаль, удовольствие, любовь, ненависть, желание. И есть семь страданий: рождение, старость, болезнь, смерть, встреча с теми, кого ненавидишь, расставание с теми, кого любишь, и невозможность получить желаемое. Вечная жизнь не обязательно приносит блаженство. Будучи человеком, даже если ты вырвешься из круговорота перерождений, ты не сможешь полностью избавиться от семи эмоций и семи страданий. Но это не значит, что выхода нет. Если ты пойдёшь путём Бесстрастия и отсечёшь корни эмоций, то сможешь избавиться от их влияния и спокойно практиковаться.